

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

РУССКАЯ
ЛЮБОВЬ ДЮМА

Чаровница

Елена Арсеньева

Русская любовь Дюма

«Автор»

2013

Арсеньева Е. А.

Русская любовь Дюма / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2013 — (Чаровница)

ISBN 978-5-699-68423-6

Любовь к русским женщинам лишила покоя Александра Дюма-сына. Когда одну из них, Лидию Нессельроде, спешно увозил из Парижа муж, Дюма сломя голову мчался за ней до самой российской границы. За которую его просто не пустили... Надежда Нарышкина постаралась вытеснить из сердца Александра свою любимую подругу, стала ему женой, поселилась в провинции. Но огонь неутоленной страсти не давал покоя супруге великого писателя. Тысячу раз задавал себе Дюма один и тот же вопрос: чего же еще хочет загадочная русская душа?

ISBN 978-5-699-68423-6

© Арсеньева Е. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Арсеньева

Русская любовь Дюма

*Мы будем врозь идти,
Быть может, до конца...
Александр Дюма-сын*

Пролог

- Господин Дюма, прошу меня извинить, но дальше вы не поедете.
- Это почему?
- Потому что мы вас не пропустим.
- *А это еще почему?!*
- Э-э... у вас бумаги не в порядке.
- Да? Я проехал с этими бумагами по всей Европе, но почему только в Мысловице обнаружилось, что они не в порядке?
- Не могу знать, сударь, отчего во всей Европе пограничные службы столь невнимательны. Однако покинуть пределы Австро-Венгрии и въехать в Российскую империю вам запрещено.
- Запрещено?! Хотелось бы знать кем?!
- Пограничными узаконениями. Я ведь уже сказал, что у вас бумаги не в порядке.
- Опять вы за свое! Ну хорошо, укажите мне, в чем неправильность. Я попытаюсь все исправить.
- Тогда вам, как вы понимаете, придется вернуться в Париж и обратиться в свое министерство иностранных дел.
- Да неужели? А разве французский консул в ближайшем городе не может это сделать?
- Нет.
- А министерство иностранных дел? Оно точно сможет?
- Ну... вероятно.
- Хорошо, тогда я еще раз прошу: укажите, в чем именно состоит ошибка в моих документах! Чтобы я явился в министерство и попросил исправить там-то и то-то.
- В министерстве служат сведущие люди, они сами отыщут ошибку.
- А я думаю, не отыщут! Потому что ее нет.
- Она есть.
- В чем она заключается?
- Возвращайтесь в Париж, сударь, и обратитесь в министерство.
- Да вы меня дураком считаете?! Сколько бы я ни разъезжал, что бы ни исправлял, в Россию меня не пропустят, да? Ну, признайтесь честно!
- Я сказал то, что сказал, и не требуйте от меня признаться в том, чего я не знаю.
- Зато я знаю! Хотите, я назову вам ошибку в моих бумагах? Она называется – Нессельроде. Правильно?
- Я не понимаю, о чем вы сейчас говорите господин Дюма. В ваших документах нет такой фамилии. Прошу вас покинуть мой кабинет. Наш разговор окончен. Меня ждут мои служебные обязанности.
- Вы сломали мне жизнь, господин офицер.
- Я? При чем тут я?!
- Да, я знаю, что это сделали не вы, а канцлер Нессельроде.

– Сударь! У нас в России есть такое выражение – сказка про белого бычка. Это означает...
– Мне известно, что это означает! Я немного знаком с русскими выражениями!
– В таком случае не начинайте эту сказку с самого начала. Вы меня поняли? Прощайте, господин Дюма!
– Прощайте! И идите к черту – вы, ваша Россия, ваш Нессельроде и все на свете русские!

– Если вам на балу показывают роскошную женщину и предлагают отыскать среди гостей ее любовника, – уверенным тоном проговорил высокий красивый блондин, некоторая томность и изнеженность лица которого с избытком искупалась широкоплечей, узкобедрой и мужественной фигурой, выгодно подчеркнутой безупречным фракком (он всегда носил узкие фракы и сюртуки, но непременно с широкими, по последней моде, отворотами), – никогда не ищите его среди тех, кто стоит сейчас рядом с ней и занимает ее очаровательным светским пустословием. Вы не найдете его и среди тех, с кем она флиртует, с кем хохочет и кому строит глазки. Не будет его также меж теми, чье приглашение на вальс она встречает с нескрываемым восторгом и кого сама манит взглядом пригласить себя. Это не он ловит ее за руку в *grand rond* и норовит безнаказанно прижать к своей груди в вальсе! Это не он подносит ей шампанское, ревнивой рукой схватив бокал с подноса невозмутимого лакея. Его здесь не сыскать! Но выйдите в самую дальнюю залу, где почти никого и нет...

– ...но выйдите в самую дальнюю залу, где никого почти и нет, кроме двух подагрических стариков, которые вспоминают свои подвиги во время Первой и Второй Пунических войн¹, – бесцеремонно перебил его собеседник, осанистый, высокий толстяк с полуседыми курчавыми волосами, несколько оплывшие черты которого напоминали черты молодого человека тем сходством, какое бывает только между близкими родственниками, – и обратите внимание на задумчивого юношу, который ласкает томным взором далекую звезду, мысленно называя ее именем той самой роскошной женщины, о которой мы говорим. Вот он – ее властелин, ее обладатель, ее тайная страсть! Я угадал персонажей твоего нового романа, Александр, не так ли?

Тут он радостно захохотал, предвкушая смущение молодого человека, и покровительственно хлопнул его по плечу, однако Александр и бровью не повел и тем же уверенным тоном продолжал:

– ...но выйдите в самую дальнюю залу, где никого почти и нет, кроме двух подагрических стариков, которые вспоминают свои подвиги во время Первой и Второй Пунических войн, а также двух знаменитых литераторов, отца и сына, и обратите внимание на сына... Вот он – ее властелин, ее обладатель, ее тайная страсть!

И он захохотал столь же радостно и тоже хлопнул курчавого человека по плечу – да так, что тот покачнулся.

Теперь они хохотали вместе, с нескрываемым удовольствием переглядываясь, ибо хотя этот отец и этот сын порой и ревновали один другого к славе, деньгам и успеху у женщин, они все же очень любили друг друга, особенно когда обоим везло у женщин, у издателей и у читателей. Сейчас они обожали друг друга, поскольку находились на пике своей славы... Хотя слава эта имела различный оттенок и привкус.

Старшего Александра Дюма весь читающий мир обожал за то, что он выволок старушку Клио² из той богадельни, где она до сего времени пребывала, подрумянил ее изморщенный и поблекший лик, напоил шампанским собственного воображения, отчего бабуля кое-что из своих приключений подзабыла, а кое-чем вдруг – с пьяных-то очей! – начала безудержно и

---

¹ Пунические войны – войны между Римом и Карфагеном во II и I веках до н. э., символ чего-то древнего и почти неправдоподобного (здесь и далее прим. автора).

² Клио – в древнегреческой мифологии муза истории.

порой бесстыдно хвастать, приводя в полный восторг читателей бесчисленных романов Дюма-пэра, Дюма-отца.

Младший же Александр Дюма (его называли Дюма-фис – что значит Дюма-сын), которому разгульная безудержность папаша набила изрядную оскомину, сделался исследователем приключений не тела, а души – причем души, заблудшей на тропах сладострастия. Его роман «Дама с камелиями», посвященный жизни и смерти некой известной куртизанки, в данное время являлся одной из самых читаемых книг во Франции. Кроме того, Александр был снова влюблен, но теперешняя его подруга вселяла в него не уныние, как бедняжка Мари Дюплесси, умершая от чахотки и распутства, а такую радость, что он чувствовал себя победителем жизни и готов был поделиться своей радостью со всеми... В том числе с собственным отцом, этим неунывающим толстяком, который щедро расточал направо и налево свое сверкающее остроумие и прежде не единожды упрекал сына за отвратительный всякому истинному французу сплин (а хандра не была еще воспета Верленом по причине малолетства оного).

– Ну а теперь давай, покажи мне эту свою красавицу, а то, кажется, ее уж все видели, кроме меня, – сказал отец. – Половина Парижа сплетничает о твоём романе с какой-то русской, которая нигде не является иначе, как в жемчужных нитях несметной цены и невероятной длины.

– Ее ожерелье длиной семь метров, или около десяти аршин, если считать по-русски, – уточнил сын не без гордости. – Поскольку общеизвестно, что лучший способ сохранить мерцание жемчужин – это постоянно носить их как можно ближе к телу, моя возлюбленная теперь практически не снимает своей драгоценной нити!

– У вас с этой полусумасшедшей, что, и в самом деле – любовь? – прищурился отец.

– Почему же она полусумасшедшая, интересно знать? – поднял брови сын.

– Потому что влюбилась в тебя, а не в меня, – пожал плечами отец, словно говорил о том, что было само собой разумеющимся, и оба Дюма дружно расхохотались.

– Хорошо, я спрошу ее, хочет ли она с тобой познакомиться. Только немного подожди.

И сын ушел, а отец присел в кресло и закурил. В этом доме была отличная курительная комната, с большим выбором сигар, папирос, трубок и даже с парой массивных кальянов, на которые автор «Графа Монте-Кристо» поглядывал с уважением знатока.

Александр-старший взял отличную, очень сухую «гавану» и подумал, что это выражение: «Я спрошу ее, хочет ли она с тобой познакомиться», – очень характерно для Александра-младшего. Он как был подкаблучником, так и остается им... И, похоже, останется на всю жизнь. Женщины вечно вили из него веревки. И прежде всего – его мать, которая всегда восставляла Дюма-младшего против родного отца. Свинство с ее стороны, конечно... Однако Дюма-старший, со свойственным истинному писателю обыкновением видеть у всякой палки два конца, признал, что у Катрин Лабе – так звали мать его сына – были для этого свинства самые веские основания.

Едва обосновавшись в Париже, в доме на Итальянской площади, будущий творец «Трех мушкетеров», который решил покорить мир, сочиняя пьесы для театра, для начала покорил эту белокурую и белокожую, пухленькую и чувствительную белошвейку, которая на первых порах пыталась остудить его тем, что была на восемь лет старше его, а потом всячески старалась разубедить его в этом. По воскресеньям они гуляли в Медоне, в тамошнем лесу, и молодой провинциал из Вилле-Коттре, в жилах которого бурлила немалая толика жаркой крови чернокожей рабыни из Сан-Доминго, очень быстро соблазнил скромницу. Однако он не намеревался связывать с ней жизнь, мечтал остаться свободным навсегда, хотя и не желал терять родившегося вскоре сына, которого, само собой, тоже называли Александром, а оттого, вместо вечно хворающей или занятой работой Катрин, за мальчиком приглядывали поочередно всевозможные Вирджини, Луизы, Белль, Мелани и прочие более или менее талантливые парижские актрисы, актриски, актрисочки и актрисульки, преимущественно из «Комеди Франсез».

Но Александр-младший презирал отца за распутство, а когда в жизнь старшего вошла огненно-рыжая толстуха (и с каждым днем она, казалось, становилась все толще!) Ида Ферье, и вовсе чуть было не порвал с ним. Однако Катрин Лабе в конце концов отдала Господу свою добродетельную душу (ей-ей, Дюма-отец мог бы поклясться, что она хранила ему верность с того самого летнего вечера в Медоне, когда он задрал ей юбку!), и младший Дюма волей-неволей сдружился со старшим.

Конечно, он осуждал отца за то, что каждая его новая любовница оказывалась все моложе и моложе предыдущей (как раз сейчас сердцем сорокавосемилетнего Дюма владела двадцатилетняя Изабелла Констан, приемная дочь парикмахера, фамилию которого она взяла своим сценическим псевдонимом... ну да, она была, само собой, актриса – хрупкая, бледная и белокожая: этого потомка негритьянки властно влекли белизна и бледность!), однако сам остался подкаблучником. В понимании отца это значило – относился к женщинам с переизбытком искренности, чего они, конечно, не заслуживали.

Старший Дюма отлично знал, что в самом пылком его объяснении в любви как минимум половина сценической игры. Фантазия его была безудержна как в любовных письмах, так и в описании приключений д'Артаньяна, или Эдмона Дантеса, или Бюсси, или какого-то другого выдуманного или невыдуманного героя, а вот Александр-сын воплощал на бумаге лишь то, что происходило с ним самим, стараясь не слишком врать и ни в коем случае не отбеливать прошлое – ни свое, ни чужое. Он очень трепетно относился ко всем грехам, особенно женским, и именно поэтому, наверное, его первой истинной любовью стала не кто-нибудь, а куртизанка, то есть та, о которую вытирает ноги всякий, кто может заплатить.

Альфонсина Плесси, которая называла себя Мари Дюплесси, была, конечно, еще та штучка...

Но не успел старший Дюма подкрутить уже изрядно-таки поседевший ус при воспоминании о тех штучках, которые выкидывала с мужчинами эта Дюплесси, как зазвучали торопливые шаги.

Возвращался сын. Вид у него был такой довольный, что отец сразу вспомнил один номер, который отколол сынуля, когда ему было лет тринадцать или четырнадцать.

Он тогда учился в пансионе Гупо, куда иногда приезжала его мать – навестить мальчика. Как ни тщилась она держаться с видом настоящей дамы, оберегая самолюбие сына, мамыши нескольких учеников оказались ее клиентками. Они-то и проболтались, что она всего лишь беловшейка, не замужем, а значит, ее сын – незаконнорожденный.

Спустя некоторое время сын рассказал отцу, что за ужас потом начался:

– Мальчишки осыпали меня оскорблениями с утра до вечера, изо всех сил – как свойственно плебеям! – стараясь унижить имя, которое ты прославил, но которого не удостоил мою мать. А значит, по их мнению, я звался Дюма незаконно и должен быть за это наказан. Ну и мать моя была бедна, а они – богаты... Ночью меня нарочно грубо будили, в столовой передавали пустые тарелки. В классе терзали куда изощренней, например спрашивали учителя:

– Сударь, скажите, пожалуйста, какое прозвище было у красавца Дюнуа?

– Орлеанский бастард³.

– А что значит «бастард», сударь? – не унимались мои мучители.

Учитель, сочувственно взглянув на меня, посоветовал всем интересующимся заглянуть в словарь. Подозревая неладное, я заглянул в словарь тотчас после урока. И прочитал: «Рожденный вне брака»... Потом однажды все мои книги и тетради оказались изрисованы непристойными сценами, под которыми подписывали имя моей матери. Я только и мог, что рыдать,

---

³ 1 Граф Жан де Дюнуа и де Лонгвиль, прославленный французский военачальник времен Столетней войны, соратник Жанны д'Арк, был внебрачным сыном Людовика I, герцога Орлеанского, отчего вошел в историю под прозвищем Орлеанского бастарда.

забившись в уголок. Травля ожесточила меня, я стал мрачным меланхоликом и все время мечтал о мести и о том, чтобы возвысить мою мать в глазах этих маленьких негодяев.

Дюма-отец отлично помнил, что стало результатом этого решения. Одна из его любовниц того времени – кажется, это была Мелани Вальдор, а может, и какая-то другая, впрочем, сие не суть важно, – одевалась весьма роскошно (Александр бывал щедр). На самом пике моды находилось ее белое платье, затканное бледно-зелеными розами. В нем она выглядела не хуже, чем знаменитая своей красотой и элегантностью герцогиня Ида де Гиш, которая была для женщин такой же законодательницей мод, как ее брат Альфред д'Орсе – для мужчин⁴.

Словом, Мелани, одетая в это платье, совершенно не походила на актрису, а напоминала даму из высшего общества. И вот однажды платье исчезло. Мелани была вне себя и подозревала в краже новую горничную. Обе бились в истерике: одна – обвиняя, другая – оправдываясь. Сам Дюма находился на грани сердечного припадка: ему надо было срочно закончить роман, а разве это возможно в такой нетворческой атмосфере?! И только гостивший у отца Александр имел предовольный вид. Дюма подумал, что мальчишка втихомолку злорадствует беде своей очередной мачехи, и хотел было его взгреть, но тут из швейцарской доставили огромную шляпную картонку. Внутри лежало пропавшее платье Мелани!

Дюма долго выпрашивал у швейцара, кто принес картонку. Швейцар имел вид весьма сконфуженный и долго отмалчивался... Наконец он признался, что ее принесла мадемуазель Катрин Лабе.

Не обязательно было писать приключенческие романы, чтобы связать концы с концами и догадаться, что сама Катрин Лабе никак не могла украсть платье Мелани из дома, куда и нога ее не ступала. Да и возвращать она его в таком случае, не стала бы. Конечно, кража была делом рук Александра, стоило только вспомнить его довольнехонький вид!

Мелани требовала страшных кар для воришки, однако отец решил сначала поговорить с сыном. Тогда он и узнал, каким издевательствам тот подвергается в школе только из-за того, что его мать не замужем, а сам он – бастард. Оказывается, Александр решил поправить дело... с помощью великолепного платья, которое, как он мечтал, его матушка наденет для очередного визита в школу, чтобы своим великосветским видом заткнуть рты всем злословцам!

Наказания за благородную глупость не последовало, хоть это и стоило Дюма ужасной ссоры с Мелани. Отец немедленно перевел сына в пансион Энон на улице Курсель, где учеников готовили к поступлению в Бурбонский коллеж, но никак не возражал, когда Александр-младший предпочитал школу плавания в Пале-Рояле и гимнастический зал на улице Сен-Лазар латыни и математике. «Во всяком случае, – рассуждал отец, – мальчик научится защищать себя от тех, кто вздумает его оскорблять».

В результате всепоглощающих занятий спортом Александр совершенно переменился, и сейчас перед старшим Дюма стоял красивый молодой человек – высокий, атлетического сложения, с широким разворотом плеч. Ничто, кроме глаз с поволокой и слегка курчавой светло-каштановой шевелюры, не выдавало правнука черной рабыни из Сан-Доминго, и тем более не напоминало о худосочном заплаканном мальчишке из пансиона Гупо.

– Пойдем, отец, она ждет тебя.

– Может быть, ты скажешь, как ее зовут, кто она? – спросил Дюма-старший, по привычке охорашиваясь перед темной стеклянной створкой большого книжного шкафа: такова была его природа обольстителя, и даже перед любовницей сына он собирался предстать в самом что ни на есть очаровательном виде.

– Моя любовница – русская графиня Нессельроде, – заявил сын с интонациями мажор-дома, сообщающего о приезде на бал знатной особы.

---

⁴ Подробней об Альфреде д'Орсе можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Нарышкины, или Строптивая фрейлина», издательство «ЭКСМО».

«Не будь тщеславия, – ухмыльнулся про себя Дюма-старший, – от любви легко было бы излечиться! Кто это сказал? Не помню, очень может быть, что я!»

– Но как ее имя?

– Потом, все потом, – торопил сын.

Он схватил отца под руку и потянул его в боковой коридорчик. Дюма сделали несколько шагов и остановились перед приотворенной дверью.

– Входи, – подтолкнул сын. – Давай, входи!

– Ты меня не представишь? – удивился отец.

– А зачем тебя представлять? – еще больше удивился сын, что немало польстило старшему Дюма. – Она зачитывается твоими романами!

Достаточно поощренный писатель потянул на себя дверь, ступил на порог... И удивился – в комнате царил темнота. И, похоже, там никого не было!

«Вот болван этот Александр, – сердито подумал отец. – Ну и шутки у него!»

Он уже оторвал от пола ногу, чтобы шагнуть назад, как вдруг раздался шелест платья, потом легкий аромат духов донесся до него... поскольку Дюма был знатоком женщин, он не мог не быть также знатоком духов, и сейчас сразу узнал запах самых модных и дорогих, которые назывались враз благочестиво и фривольно – «Le jardin de mon curé», «Сад моего кюре». Учитывая, что «садиком» в шаловливых стишках издавна назывался дамский передок, мысли насчет упомянутого кюре приходили, конечно, самые разнообразные... Но сейчас дело не в кюре и не в его садике, а в том, что горячая, душистая рука обхватила знаменитого романиста за шею, к груди прижалась женская грудь, а к губам припали самые сладостные и страстные губы, которые ему только приходилось целовать... Впрочем, поскольку для Дюма всякая новая женщина была всегда самой-самой, не стоит слепо верить его оценкам! В любом случае, это был восхитительный, жаркий, откровенный, пылкий и в то же время нежный поцелуй, от которого у крестного отца всех на свете мушкетеров закружилась голова... Он сделал было попытку схватить в объятия целующую его незнакомку и прижать к себе как можно крепче, однако чудесные губы уже оторвались от его рта, а потом проворные пальцы бесцеремонно взъерошили ему шевелюру, раздался легкий смешок, чьи-то руки с силой повернули Дюма – и толкнули его вперед, в распахнутую дверь, за которой его ждали объятия собственного сына.

Александр захлебывался от смеха, глядя на ошарашенное, вспотевшее, покрасневшее лицо взлохмаченного отца.

– Ради Бога, не обижайся на Лидию, – наконец смог выговорить он. – Ей этого очень хотелось, а я покорный раб всех ее причуд.

– Да уж, – обрел-таки дар речи отец. – Значит, ее зовут Лидия. О, ты был прав, ее никак нельзя назвать полусумасшедшей... Она законченная сумасшедшая!

И оба Дюма, Александр-старший и Александр-младший, пэр и фис, отец и сын, так и зашлись одинаково звонким и довольным хохотом.

Это, конечно, довольно трудно вообразить, однако в то же самое время далеко-далеко от Парижа и Франции, совершенно в другой стране и городе: в России (так и хочется сказать – в заснеженной, но, как нарочно, в это время был чудесный теплый август), в Санкт-Петербурге (так и хочется сказать – дождливым, но, как нарочно, стоял дивный ясный вечер), – тоже говорили о Лидии. И, что характерно, ей давали ту же самую оценку!

– Я слышал, эта сумасшедшая очень неплохо устроилась в Париже, – с брюзгливой интонацией, которая появлялась у него всегда, когда он упоминал свою невестку, проговорил граф Карл Васильевич Нессельроде, сидя в кресле у постели своей жены. – Ты же знаешь, у кого она поселилась. У Марии Калергис! У нашей Марии! Вот уж воистину – два сапога пара.

Его жена, графиня Марья Дмитриевна, подавила зевок. Она любила ложиться рано и уже собралась отдаться объятиям Морфея, как явился из своей спальни муж, причем не для

исполнения своих супружеских обязанностей, а для неприятного разговора. Впрочем, канцлер и министр иностранных дел Нессельроде, умудрившийся к описываемому времени вершить иностранную политику России уже при двух императорах, отдавал служебным обязанностям куда больше внимания, заботы и пыла, чем супружеским, которые исполнял до того поспешно и небрежно, что полная, неторопливая графиня едва успевала понять, что с ней приключилось, и, несмотря на то что поспешность мужа трижды увенчивалась зачатием детей, все же предпочитала объятия Морфея объятиям канцлера и министра.

Вообще эта пара – высокая и полная графиня Марья Дмитриевна, формы которой иные недоброжелатели называли мужеподобными, отдавая, впрочем, должное ее добродушию и веселому, почти детскому смеху, и худенький, маленький, не сказать мелкий, граф Карл Васильевич – выглядела на взгляд тех же недоброжелателей карикатурно: чудилось, будто муж выпал из кармана жены. Еще подхихивали, мол, между четырьмя вершинами: высоким ростом государей, высокой женой и громадным счастьем, выпавшим на долю графа Нессельроде, – существует один провал, и это он сам...

Графиня Мария Дмитриевна приподняла свечу и понимающе взглядела в хмурое лицо мужа. Конечно, он всегда очень близко к сердцу принимал служебные неприятности. Одна такая неприятность постигла его буквально месяц назад. Капитан Невельской основал в устье Амура Николаевский пост! Самовольно! Канцлер был ярим противником любой экспансии России на Дальнем Востоке, он опасался разрыва с Китаем, недовольствия Европы, в особенности англичан. И вот этот капитан Невельской!.. А государь-император пришел в полный восторг от такого нарушения служебной дисциплины и назвал это нарушение... укреплением русской государственности!

Да, тяжким выдался нынешний год для Нессельроде-министра, однако еще более тяжким он был для Нессельроде-отца...

Как уже было упомянуто, по младости лет Карл Васильевич и Мария Дмитриевна умудрились зачать троих детей. Судьбы дочерей, Елены и Марии (считавшейся одной из первейших красавиц столицы), сложились весьма удачно, обе сделали прекрасные партии. А вот единственному и любимому сыну Дмитрию не повезло... Дружба Карла Васильевича с Арсением Андреевичем Закревским и желание непременно породниться с ним сослужили семье очень плохую службу.

Графиня Мария Дмитриевна грустно вздохнула. Объятия Морфея ее больше не манили. Было ужасно жаль мужа, как он там сидит, в кресле, понутив голову... Да, династический брак их сына провалился. Дмитрий – умница, про таких говорят – министерская голова, унаследовал от отца дипломатические таланты и пошел, конечно, по этой части. Дмитрий весьма преуспел на должности секретаря русского посольства в Константинополе. Но брак с этой очаровательной вертихвосткой, которая была его на семнадцать лет моложе... А ведь Мария Дмитриевна предупреждала, что этот брак обречен, ну, так оно и вышло. Нет, Лидия ей очень нравилась, очень, она даже подарила снохе на свадьбу фамильный перстень Салтыковых. Несмотря на то что перстень оказался Лидии маловат, она надела его с восторгом, поскольку, как суцая сорока или суцая женщина, обожала все блестящее. А между тем перстень блистал не только золотом и изумрудом, но и историей своей. Мать Марии Дмитриевны, графиня Гурьева, была урожденная Салтыкова... Ходили слухи, что этот перстень некогда принадлежал царице Прасковье Федоровне⁵, которая тоже была Салтыковой и имела баснословные драгоценности, в

---

⁵ 1 Царица Прасковья Федоровна (на самом деле Александровна: ее отец, стольник Салтыков, был переименован в Федора после свадьбы дочери. Обычай менять отчество цариц на «Федоровна» связан с реликвией Романовых – Федоровской иконой Божьей Матери) – супруга царя Иоанна Алексеевича, мать императрицы Анны Иоанновны. Ее деверем был царь Петр Алексеевич, который, по слухам, и «распочал ее девство», ибо брат его Иоанн оказался к сему не способен. Неведомо, от него ли она рожала дочерей или от своих стольников, которые все были писанные красавцы и обладали могучим естеством. После смерти Иоанна царь Петр Первый предоставил ей в полное распоряжение Василия Алексеевича Юшкова, который стал ее

частности изумруды, кои потом расточила на любовников. Перстень этот женщины Салтыковы и Гурьевы старались не носить – считалось, он делает мысли особы, которая надевает его на палец, слишком уж легкими. Марья Дмитриевна полагала, что его соседство вообще размягчает мозги. Чем, как не помутнением рассудка, можно объяснить то, что она подарила этот перстень будущей жене любимого сына?! Так что отчасти она была виновна в неудачах его семейной жизни... Вернее, перстень легкомысленной царицы Прасковьи! Чтобы отвести от себя вину, она только и могла рассуждать, пытаясь успокоить мужа:

– Поймите, Карл, что их с Лидией взгляды и понятия несхожи. Ему выпала нелегкая задача, а он полагал, что все будет очень просто. Он не учел, сколько понадобится терпения, чтобы удерживать в равновесии эту хорошенькую, но сумасбродную головку. Если он не будет смягчать свои отказы, если устанет доказывать и убеждать, это приведет к охлаждению, чего я весьма опасуюсь!

Мария Дмитриевна очень любила сына, а как иначе?! – но в глубине души все же сочувствовала Лидии. Она очень уж избалована, а Дмитрий воспитан в строгих правилах. Он из тех, у кого все по ранжиру. Даже отец его чуть помягче характером, а особенно брат, Фридрих Нессельроде. Наверное, поэтому он так непомерно избаловал свою дочь Марию (а еще пуще избаловала ее Елена Сверчкова, урожденная графиня Гурьева, родная сестра Марии Дмитриевны Нессельроде, удочерившая девочку после развода родителей и давшая ей свою фамилию!). Мария теперь живет в Париже, и у нее поселилась Лидия. Словно в пику супругу! Дмитрий кузину терпеть не мог и решил сделать все, чтобы его жена не могла стать на Марию похожа. Он в самом деле ничего ей не позволял, никаких развлечений, он беспрестанно взывал к ее душе и разуму, а в этом очаровательном тельце и «хорошенькой, но сумасбродной головке» ни капли не было, как подозревала Мария Дмитриевна, ни души, ни разума, там жили одни капризы и своеволие.

Сначала казалось, что семнадцать лет разницы позволят Дмитрию легко управиться с женой, однако вышло наоборот: он совершенно не понимал это очаровательное и эгоистичное создание, а самое удивительное, у него почему-то не хватало терпения быть с женой хоть чуточку помягче. Она его и восхищала, и раздражала одновременно. А он ее только раздражал. Ехать с ним в унылый, жаркий, пыльный Константинополь Лидия отказалась наотрез. Вообще семейная жизнь немедленно сказалась на ее нервах, особенно рождение сына Анатолия, которого Нессельроде звали Толли. Попытавшись привести расстроенные нервы в порядок в Бадене, Эмсе, Спа и Брайтоне, она в конце концов отбыла в Париж и, как сообщил Карл Васильевич, очутилась у «кузины» Марии Калергис.

Беспокойство мужа графиня Мария Дмитриевна понимала. Дочь его брата Фридриха – тоже особа не из самых благонравных. Разъехалась с мужем вскоре после брака, а отступного при этом разъезде получила какую-то просто фантастическую сумму. Даже невозможно представить, *сколько*, если в свое время лишь в качестве свадебного подарка Иван Калергис вручил ей шестьсот тысяч рублей золотом и домище на Невском. Ах, как посмотришь, все на свете относительно: когда Дмитрий женился на Лидии, триста тысяч ее приданого казались Нессельроде, которым вечно не хватало денег, совершенно фантастической суммой. И к чему привела эта внезапно вспыхнувшая в семье жадность? Разве они не знали, кого берут за сына? Из какой семьи берут невесту? Словно бы в головах у них помутилось – забыли, чья она дочь! Яблоко от яблоньки недалеко падает, и это в очередной раз оправдалось на примере Лидии.

Хотя ведь что с нее возьмешь? Она ведь и в самом деле всего-навсего дочь своей матушки!

Всему свету известно, что Аграфена Федоровна Закревская, прославленная в стихах Евгения Боратынского и Александра Пушкина, воспевалась этими поэтами не за то, что была воплощенной добродетелью, отнюдь нет! С легкой руки Петра Вяземского, циника из циников, она носила прозвище Медной Венеры, которую «можно пронять только медным же благонамеренным...» Понятно, какое слово из трех букв следует поставить вместо многоточия? Эх, какими только эпитетами не наделяли стихотворцы эту первую *la femme fatale* русской поэзии! И Магдалина, и русалка, и вакханка, и Клеопатра... «Вокруг нее заразы страстной исполнен воздух»...

Лидия поведением своим была сущий портрет маменьки, то есть столь же обворожительна и прельстительна. Она унаследовала также все те средства обольщения и прельщения, которыми маменька владела в совершенстве. Иначе говоря, Лидия стала такой же вдохновенной грешницей, как ее мать.

* * *

Столь экстравагантная встреча старшего Дюма с любовницей сына, конечно, раздражила его любопытство, бывшее основным свойством натуры знаменитого романиста, и он принялся донимать Александра-младшего просьбой познакомить его с сумасшедшей русской более обыкновенным образом. И вот наконец сын, который получал истинное удовольствие от интриги, пригласил отца на улицу Анжу – ту самую, что тянулась от предместья Сент-Оноре аж до вокзала Сен-Лазар.

Анжу-Сент-Оноре было местом особенным для знатоков истории Парижа, а таковым Дюма, несомненно, являлся. Поэтому он был в курсе, что здесь, в доме под номером 17 с водостоками в виде драконов, некогда жил знаменитый шевалье де Лозен, блестящий кавалер времен «короля-солнце». В шевалье влюбилась кузина короля, богатая и эксцентричная герцогиня Анна де Монпансье, и много лет мечтала о нем, однако, когда разрешение на брак было наконец получено и немолодые влюбленные (обоим было уже за пятьдесят) воссоединились, счастья это им не принесло. Буквально через неделю после свадьбы Великая Мадемуазель – а именно такое прозвище носила знаменитая фрондерка – выставила супруга вон за отъявленный либертинаж, то есть за то, что он готов был облагодетельствовать своими ласками любую женщину на свете, кроме законной жены.

Дюма взглянул на Отель де Лозен, освещенный фонарем (был поздний вечер), и уныло вздохнул: стараниями барона Пишона, его последнего владельца, дворец, перестроенный в обычный доходный дом, совершенно утратил изысканность. Вот только водостоки напоминали о минувшем... Последний раз Дюма бывал тут с десятков лет назад у Теофиля Готье, который описал этот дом в своем эссе «Клуб любителей гашиша», поскольку именно здесь и собирался этот клуб, где поэты отведывали экзотическое блюдо. Ну да, это было именно сладкое, очень сладкое блюдо, которое здесь называли давамеск.

Готье упоенно рассказывал о блаженном отрешении от мира, но Дюма чувствовал к гашишу почти болезненное отвращение (он был распутник, но вовсе не наркоман и не пьяница!), а потому не решился попробовать давамеск. Однако он сделал изысканным отведывателем гашиша одного из своих любимых героев – графа Монте-Кристо, приписав ему все те ощущения, о которых поведал Готье в своем «Клубе любителей гашиша».

Теперь Готье отсюда съехал, а в Отеле де Лозен поселился новомодный поэт Шарль Бодлер, бывший, по мнению старшего Дюма (младшего – тоже, только сын об этом стеснялся говорить и даже думать, чтобы не прослыть ретроградом), извращенцем, каких свет не встречал. Его стихи были лишены малейшего намека на красоту, а Дюма истово поклонялся красоте всю

жизнь. Хотя... знаменитая любовница Бодлера, Жанна Дюваль, известная в Париже как Темнокожая Венера, была, конечно, воплощением красоты...

При воспоминании о ней Дюма обиженно надулся, потому что Жанна как-то раз дала ему такой от ворот поворот, что второго захода знаменитый романист предпринимать не стал. Да, отказала – и это притом, что он предлагал ей самое щедрое содержание! Высокомерно бросила: «Я теперь сплю только с белыми!»

Скажите на милость! Мулатка отказывает квартиранту! Тьфу! А Бодлер, по слухам, не ценил преданности Жанны: таскал ее за волосы и бил почем зря, а то и гонялся за ней с тем самым тесаком, которым в холодные зимние дни колол дрова в гостиной дворца Лозена, отчего его первый хозяин, конечно, переворачивался в гробу. А может, и не переворачивался, ведь он и сам был на многое способен!

Дюма миновал дом номер 17 и скоро приблизился к дому номер 8 по улице Анжу.

Это было прелестное трехэтажное зданьице – один из тех элегантных парижских особняков, которые сдают вместе с мебелью иностранцам. Эти элегантные строения с умопомрачительной обстановкой сдавали за очень большие деньги, и легко можно было сделать вывод, что сняли его люди богатые. А уж когда Дюма узнал, что дом вовсе не снят, а куплен – куплен трехэтажный дом на улице Анжу! – он понял, что попал к неприлично богатым людям.

Он вздохнул. После выхода романа «Граф Монте-Кристо» он и сам сделался неприлично богат... и даже построил себе замок, который назвал именем своего героя, но почему-то конец этому волшебному состоянию пришел очень быстро, и теперь Дюма был практически разорен. Что и говорить, деньги исчезают еще быстрее, чем проходит молодость...

«А вот интересно, разоряются ли русские? – подумал он с живейшим любопытством, которое, конечно, было вызвано заботой о сыне. – Или их карманы бездонны?»

Привратник, отворивший ему дверь в ярко освещенный вестибюль, был французом, несмотря на то что в доме обитали две русские дамы. Дюма слышал, что русские любят возить с собой везде и кругом, даже за границу, всю свою прислугу: от горничных и камердинеров до кухонных мальчишек и судомоек. Поэтому француз-привратник удивил Дюма.

– Вы к мадам Калергис? – спросил он, окидывая долгим и пристальным взглядом внушительную корпуленцию визитера. – Но она сегодня не принимает.

– Подите к черту, Антуан! – послышался окрик с площадки великолепной и в то же время очень уютной лестницы из пестрого мрамора, у подножия которой возвышался Антуан. – Как вы смеете не пускать этого великого человека! Это же сам Александр Дюма!

– Но, мадам... – покраснел Антуан, задирая голову. – Мне, конечно, было дано указание пропустить господина Дюма. Но он уже прошел к графине Нессельроде. Не может же быть этот господин тоже Александром Дюма?!

– Боже... – послышался потрясенный возглас, и по ступенькам стремительно сбежала женщина, которая была до того красива, что Дюма непременно снял бы шляпу, кабы она уже не была снята при входе в дом. Впрочем, восхищение свое он выразил тем, что снятую шляпу уронил на пол.

У дамы оказались совершенно золотые волосы, белоснежная кожа и фиалковые глаза. Волосы были собраны в узел на затылке, но выющиеся пряди свободно падали по сторонам прекрасного лица. Сложением она напоминала Афродиту: об этом легко было догадаться, ибо ее фигуру плотно обтянуло чудесное лиловое одеяние, прозрачностью своей напоминавшее ночную рубашку, но, поскольку оно было перехвачено поясом на тончайшей талии и богато отделано золотым шитьем, одеяние это, наверное, все же считалось платьем.

Так вот кто целовался с Дюма в темной комнатке?! Эта женщина – любовница его сына?! Эта богиня... она досталась мальчишке?!

И старший Дюма пожалел – так, как никогда еще ни о чем не жалел! – о том, что однажды встретился с Катрин Лабэ, соблазнил ее – и родил своего соперника...

Он только и мог, что стоять столбом и глазеть на эту совершенную красоту.

Впрочем, на остолбенелый вид гостя дама не обратила никакого внимания, из чего можно было сделать вывод, что таких остолбенений она видела-перевидела.

– Боже, Антуан, вы поразительно невежественны! – воскликнула она, подавая Дюма руку для поцелуя, но обращаясь к привратнику. – Если вы до завтрашнего дня не прочтете какой-нибудь из его прекрасных романов, скажем, «Три мушкетера» или «Граф Монте-Кристо», я вас уволю.

– Лучше увольте меня прямо сейчас, – угрюмо проговорил Антуан. – После «Агасфера», которого я прочел за одну ночь, чтобы успокоить вашего ненаглядного мсье Сю, я не способен прочесть не только книгу, но даже вывеску булочной.

И тут нашего героя словно шилом в бок ткнули, ибо он мгновенно понял свою ошибку. Можно вздохнуть с облегчением и не проклинать день и час, когда он соблазнился Катрин Лабе и соблазнил ее. Эта несусветная красавица – вовсе не любовница Александра-младшего! Это совершенно другая... И Дюма знает, кто она!

Ни одна женщина на свете, если в числе ее «ненаглядных» числится Эжен Сю, не может волновать сердце Александра Дюма. Просто потому, что Эжен Сю, этот болтун, этот словоблуд, этот нанизыватель поддельных словесных перлов, этот сочинитель затянутых романов с неправдоподобными сюжетами, этот нагнетатель дешевых, надуманных страстей, в которых нет ничего человеческого... Этот Эжен Сю был соперником Дюма у читателей. И соперником весьма счастливым. Конечно, легко уверять себя в том, что эту ерунду никто не читает, однако Сю не зря гордился своей дамской фамилией!⁶

Его читали, его издавали, его покупали... Покупали! Как будто ему нужны были деньги! Его папаша, известный хирург, оставил сыну миллионное наследство, что позволило Сю вести жизнь денди, всецело отдавшись литературе. Вдобавок ко всему он буквально только что был избран депутатом Законодательного собрания!

Дюма не мог любить Сю, а значит, его любовница могла внушить ему только неприязнь. Да, теперь он знал, кто это. Это Мария Калергис, которую Сю изобразил в своем романе «Агасфер» под именем Адриенны де Кардовиль – чрезмерно богатой, развратной, свободолюбивой сумасбродки, которая заигрывает с чернью, с пролетариями, выходит замуж за индуса и умирает в разгар любовной игры с ним – словом, не знает, куда девать избыток своего дурацкого либертажа. По слухам, Мария была в жизни совершенно такой, как в романе. Господи Боже, да ведь Дюма не раз слышал о ее салоне, где бывали все, кто имел хоть мало-мальское отношение к литературе и музыке. Ну да, ну да, она ведь была также любовницей Альфреда де Мюссе! И очень возможно, что именно этой связи мировая афористика обязана несколькими прелестными благоглупостями его сочинения, как-то:

«Женщина любит, чтобы ей пускали пыль в глаза, и чем больше пускают этой пыли, тем сильнее она раскрывает свои глаза, чтобы больше пыли в них попало».

«Если женщина хочет отказать, она говорит «нет». Если женщина пускается в объяснения, она хочет, чтобы ее убедили».

«Если ты скажешь женщине, что у нее самые красивые в мире глаза, она заметит тебе, что у нее также совсем недурные ноги».

«Женщина – ваша тень: когда вы идете за ней, она от вас бежит; когда же вы от нее уходите – она бежит за вами».

Поскольку де Мюссе и в самом деле был очень известен своей «Исповедью сына века» и прочими произведениями, а также воинствующим презрением к моральным устоям общества, неудивительно, что приговор этого самого общества по отношению к его русской любов-

---

⁶ 1 Фамилия Sue произносится «Сю», так же как прилагательное su, которое означает «известный», а sue – форма женского рода, «известная».

нице был совершенно однозначен: в доме 8 на улице Анжу создано не просто «тайное русское посольство красоты», но «общество по разврату на паях». И поговаривали, что воистину прав был Ломброзо, некогда констатировавший, что не все проститутки попадают в Сен-Лазар (так называлась женская тюрьма, существовавшая в Париже в описываемые времена): «К числу таких принадлежат многие женщины, оскверняющие под видом честных жен свой дом прелюбодеянием; девицы, обманывающие бдительность своих матерей; равно как и элегантные дамы, так или иначе продающие за деньги свои ласки». И досужие сплетники добавляли, что, если следовать логике знаменитого психолога и физиономиста, именно в Сен-Лазаре было самое место обитательницам известного дома на улице Анжу!

Как мог забыть об этих разговорах Дюма-отец?! Ну, забыл, потому что к разврату относился снисходительно, ибо сам был развратником. На самом деле все это ерунда. Куда противней другое – эта Мария Калергис, судя по разговорам, обрывки которых долетали до Дюма, но на которые он, опять же, не слишком обращал внимание, очень опасная особа. Не то русская шпионка, не то просто авантюристка, которая любит играть в политические игры, спать с правительственными чиновниками и губить их репутации. Ни один мужчина не может перед ней устоять, не зря ее прозвали Белой Сиреной!

Да, воистину – Белая Сирена, одним взглядом лишила разума знаменитого романиста! Почему чертов сынок не предупредил отца, в какое змеиное гнездо сам залез и куда тащит его?! Надо немедленно потребовать от Александра, чтобы увез отсюда свою сумасшедшую подругу! И сам больше не появлялся бы здесь!

Писатели – тем более такие писатели, каким был Дюма-пэр, – умеют думать быстро, настолько быстро, что, когда они пишут, перо не поспевает за полетом их мыслей. Все эти мысли промелькнули в голове Дюма так стремительно, что и мгновения не прошло, и он очень надеялся, что в глазах его ничего не отразилось. Ему совсем не хотелось, чтобы Мария Калергис догадалась о его мыслях. Поэтому он зажмурился и забормотал какую-то ерунду о том, что ослеплен, потрясен, что никогда в жизни...

И тут вдруг из глубины дома раздался истошный крик. Это кричала женщина.

– Помогите! Помогите! Я больше не могу!

– Боже мой!! Роды начались раньше времени! – вскричала Мария Калергис и, подхватив полы своего изумительного наряда так высоко, что сделались видны стройные обнаженные ноги, понеслась вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки. Вид у нее при этом был не слишком обольстительный и довольно комичный, однако Дюма оказалось не до смеха.

Рожает?! Но кто?!

Наверное, Лидия? Стоп, у нее же как будто уже есть ребенок от русского мужа? Но долго ли забеременеть вновь! Кто же тогда отец ребенка? Александр?!

И в это мгновение раздался пронзительный детский крик.

Итак... о Господи Боже...

Дюма дрожащей рукой поднял с пола шляпу и отер ею лоб. Он ничего не имел против детей как таковых, но, согласитесь, вот так, внезапно, без всякого предупреждения, сделаться дедом... Кого угодно бросит в пот!

– Отец! – вдруг раздался знакомый голос.

Дюма посмотрел вверх и увидел сына, который перевесился через перила и энергично махал ему:

– Что же вы стоите? Разве вам не сказали, куда идти?

Дюма растерянно покачал головой.

– Поднимайтесь! – приказал сын. – Должен же я, наконец, познакомить вас с Лидией!

Дюма многое повидал в жизни, но никогда ему не приходилось знакомиться с женщиной, только что родившей ребенка! Вдобавок его собственного внука. И, прямо скажем, он не чувствовал никакого желания приобрести этот опыт.

– Может быть, в другой раз? – робко проговорил Дюма-отец-дед. – Я... я тут кое-что вспомнил, одно срочное дело! А у вас, как я погляжу, и без меня полно забот. Да и имя ребенку вы придумаете... Кстати, это мальчик или девочка?

– Представления не имею, – небрежно ответил Александр. – Главное, что ребенок родился, а имя ему Надин уж как-нибудь придумает!

– Надин? – переспросил еще более ошарашенный Дюма. – Какая Надин?!

– Да ну, это русская подруга Лидии и Марии. У нее в России неприятности, вот она и приехала сюда от них спастись.

– А... ее муж? – осторожно поинтересовался старший Дюма.

Сын так и закатился хохотом:

– Какой муж?! Кто в этом доме говорит о мужьях?! Тут только дамы и их возлюбленные! Ну и теперь еще дети любви!

И он снова захохотал, очень довольный своим остроумием, а потом опять махнул отцу:

– Да поднимайтесь же! Лидия ждет!

Делать было нечего. Дюма, пытаясь, начал подниматься по лестнице. На площадке расцеловался с Александром-младшим, и тот показал:

– Комнаты Лидии вон в том крыле. А тут живет Надин. Когда-нибудь вы с нею познакомитесь. А может быть, и нет. Собственно, она вряд ли задержится в Париже надолго. В отличие от Лидии, которая меня и Париж никогда не покинет!

И, самодовольно усмехаясь, он повел отца в левое крыло дома, даже не подозревая, сколь жестоко ошибается относительно Лидии, Надин и себя самого. Все выйдет совершенно наоборот!

* * *

– А вот Лидуся согласилась бы! – сказала Наташа Тушина, умоляюще глядя на свою подругу Наденьку Нарышкину. – Она бы обязательно согласилась нам помочь! Ну почему, почему ты не хочешь?!

– Лидуся много на что соглашалась, как тебе известно, – пожала плечами Наденька. – Именно поэтому она сейчас в Париже. А я совсем не желаю поехать в Париж по той же причине, что она! Ей хотелось поссориться с мужем, а мне – нет. Александру Григорьевичу будет неприятно узнать, что его жена публично целовалась с другим мужчиной!

– Так это же на сцене! – простонала Наташа.

– Пусть даже на сцене! – воскликнула Наденька.

– Так ведь ты будешь в маске! Тебя никто не узнает! – безнадежно всхлипнула Наташа. – Мы нарочно написали в программе, что имя актрисы, исполняющей роль Флоры, останется никому не известным!

– Пусть даже в маске! Пусть даже останется неизвестным! Я не могу себе этого позволить! Я даже смотреть на все это не хочу! – патетически вскричала Наденька... И вдруг Наташа заметила, что строптивница ей отчаянно подмигивает и вдобавок опущенной рукой легонько помахивает куда-то себе за спину.

Наташа посмотрела – и обнаружила, что буквально в двух шагах стоит баронесса Ольга Федоровна Кнорринг, мать Наденьки, и, делая вид, будто разглядывает диковинное комнатное растение, которых в этом доме было несчитано, на самом деле ловит, ловит, наострив уши, каждое слово из разговора своей дочери и Наташи.

Наташа внимательней взгляделась в глаза подруги – и разглядела в их зеленой глубине затаенную смешинку. И Наденька снова подмигнула, указывая взглядом на дверь, а потом скорчила плаксивую гримасу.

Наташа, которая частенько играла в любительских спектаклях, была неплохой актрисой, а значит, привыкла ловить даже невысказанные реплики, – мигом все поняла. Она всхлипнула еще горше, а потом закрыла глаза руками, повернулась – и опрометью бросилась в глубину коридоров.

– Ах, Наташа, ну подожди! – воскликнула Наденька. – Ну не сердись на меня! Мы же не поссоримся из-за этого, правда? Я ведь все равно ни за что не соглашусь!

И она побежала за подругой, не сомневаясь, что ее матушка сейчас воздела счастливые глаза к небу и блаженно улыбнулась. Наденька даже знала, что именно маман сейчас думает! «Ну наконец-то эта непутевая девчонка поумнела!» Или что-то в этом роде.

Вообще-то у баронессы Ольги Федоровны Кнорринг были основания мечтать о том, чтобы «непутевая девчонка поумнела»!

С юных лет Наденька задавала матери и отцу, Ивану Федоровичу, немало хлопот. Как, откуда в девочке, рожденной и воспитанной в образцовой семье, поселился этакий бес чувственности, не могли понять ни отец, ни мать. Никто в роду Кноррингов и Белешовых (такова была девичья фамилия Ольги Федоровны) особенной пылкостью не отличался, однако Наденька... О таких, как она, и сказано: камень способна искусить!

Может, ее подкинули? Может, повитуха тайком выкрала младенца из колыбели добропорядочной баронессы Кнорринг и подложила туда дочь какой-нибудь падшей женщины? Или, к примеру, этой притчи во языцех – Аграфены Закревской? Ведь девочка, с тех пор как повзрослела, спит и видит, где бы и с кем пораспутничать, совершенно как сама Аграфена Федоровна! Лидия, ее родная дочь, и то скромнее, хотя, конечно, тоже хороша пташка... Да и внешне Наденька ни в мать, ни в отца, блекло-белесых, бледно-голубоглазых. У Наденьки рыжая коса (опять же как у Закревской-старшей, за эти рыжие кудри прозванной Медной Венерой, а у Лидии, между прочим, волосы черные!), изумрудные очи, взгляд нимфы, повадки вакханки... Порою отец с матерью за голову хватались! Случались минуты, когда они готовы были сдать единственную дочь на перевоспитание в монастырь, однако опасались, что и там обворожительная кокетка найдет выход своим греховным наклонностям. О монастырях ведь много чего болтают, мужских и женских, католических и православных. Нет, уж лучше дома построже следить за баловницей, приставить к ней дуэнью-бонну-мадаму-гувернантку-фрау, и не одну, а как минимум трех, да постарше, да поуродливей, да посуровей!

Больше всего Кнорринги боялись, что пойдут по Москве слухи о сластолюбии юной баронесски, которая не пропустила ни одного из своих преподавателей-мужчин (именно поэтому с некоторых пор ее учителями были только особы дамского пола), ни одного смазливового лакея и давно бы лишилась девственности, когда бы... Когда бы не была столь же расчетлива, сколь и сластолюбива. Поняв сущность натуры своей дочери (чистейшей воды Манон Леско, куртизанка по натуре!), барон Кнорринг, призвав на помощь всю свою остзейскую выдержку, непреклонно заявил: или Надежда себя блюдет до замужества, как подобает девице из хорошей семьи, или... или отец лишает ее наследства, еще при жизни переведя все капиталы на содержание исправительных домов для заблудших девиц: наверное, предвидя тот час, когда в один из таких домов отправится дочка.

– Тогда выдайте меня поскорей замуж! – возопила неистовая Наденька, давась злыми слезами, ибо знала, что наследство для нее важнее плотских забав.

– Выдам за первого же, кто посватается! – посулил отец, не забыв уточнить после паузы: – За первого же приличного человека.

Судьба распорядилась так, чтобы этим человеком оказался Александр Григорьевич Нарышкин, губернский секретарь, мужчина в годах, а значит, как показалось Кноррингу, вполне способный держать в узде молоденькую проказницу. Разумеется, барон умолчал о чрезмерной пылкости Наденьки, предоставив ее супругу возможность самому совершить приятное (или неприятное, это уж кому как, на вкус и цвет товарища нет!) открытие.

Открытие оказалось приятным, и Надежда получила у господина Нарышкина полнейшее доверие или, выражаясь языком картежников, к которым принадлежал добрейший Александр Григорьевич, карт-бланш.

В первое время Наденька сие доверие вполне оправдывала, особенно во время тяжелой беременности, когда она буквально света белого не видела, тенью слоняясь по дому, то и дело склоняясь над урыльниками, на всякий случай расставленными там и сям, ибо мутило барыню несусветно. Тут уж было не до распутства! Ее могло вырвать даже на супружеском ложе, оттого Александр Григорьевич, хоть и тосковал без жены, почивал в отдельной спальне.

Впрочем, в таком состоянии Наденька не могла бы вызвать желания даже у Робинзона после его возвращения с необитаемого острова! И без того маленького роста, худенькая, она вовсе сошла на нет и стала с виду уже не нимфой, а сущей кикиморой, как сама себя горестно называла, глядясь в зеркало и рыдая об исчезнувшей красоте. Однако после рождения дочери, которую окрестили Ольгой (в честь бабушки-баронессы), тошнота прошла, как по мановению волшебной палочки. Наденька мигом поправилась, снова стала гладкой да сладкой, словно ромовая баба, и чувствовала себя так, словно сама родилась заново.

Сначала Александр Григорьевич очень этому обрадовался, однако вскоре приуныл: с возродившейся женой он не справлялся. Каждую ночь, отправляясь на ложе страсти, которое вскоре стало ложем истинных его мучений, ее обид и даже взаимных скандалов, он молил Господа и Пресвятую Богородицу, чтобы жена снова забеременела, чтобы ее опять начало тошнить с утра до вечера и с вечера до утра. Однако Наденька не забеременела и тошнить ее не начало. Тошнило теперь Александра Григорьевича. У него сделались желудочные колики, он слег в постель, и еще ни один человек в мире не болел с таким удовольствием, как Александр Григорьевич, ибо постель эта была – отдельная!

Наденька горестно вздохнула после первой одинокой ночи, потом загрустила всерьез. Конечно, у нее были умелые руки, которыми она прекрасно ласкала не только мужа, но и себя, чтобы скрасить собственное одиночество на супружеском ложе, но это лишь слегка утихомиривало снедавший ее плотский голод, который становился все более и более настойчивым.

Она поймала себя на том, что начинает внимательней присматриваться к молодым лакеям в доме, даже к извозчикам на улицах, и это напомнило ей буйную молодость. Казалось бы, грех вот он, близко, однако Наденька была уже не прежней. Она стала матерью, и она безумно любила свою дочь. И опасалась ее потерять. А ведь именно это случилось с Лидией Закревской! Лидия, любимая подруга, Лидуся, дусенька, которая была Наденьке ближе, чем родная сестра, потому что они были нравом совершенно схожи, даром что родились от разных отцов и матерей! Милочка Лидуся вышла замуж почти одновременно с Наденькой, правда уехала после этого в Петербург, потом в Париж, но скоро пошли о ней такие слухи, что даже повторить страшно! Обе столицы долгое время только об этом и говорили, а бедненького Толли, маленького сына Лидуси, которому не было еще и года, у нее мечтали отнять эти жестокие Нессельроде.

Стоило Наденьке представить, что ее могут разлучить с Олечкой, как на глаза навернулись слезы. Конечно, с одной стороны, любимая дочь, без которой она не мыслит себе жизни. Но как быть со своей натурой? Как избавиться от этих мучительных снов?!

Нет, само собой, любовника найти нужно. Но тихо-тихо-тихо, осторожно-осторожно-осторожно – чтобы ничего не вышло наружу.

Приняв это поистине соломоново решение, Надежда приступила к поискам. Сначала казалось, что ее мечта исполнится буквально завтра. Однако дни шли, а воз оставался все там же.

В Москве было множество привлекательнейших молодых людей. Правда, Наденьке они отчего-то казались необычайно похожими, почти на одно лицо. В общем-то, объяснялось это просто. Все они старались походить на государя-императора Николая Павловича. Его вели-

чественная осанка, гордый поворот головы, высокий лоб, пристальный взгляд голубых глаз, четкая поступь вызывали всеобщее восхищение, а значит, ему подражали все, кому не лень. Трудно было сыскать в те времена темноглазого брюнета, который не пожалел бы, что не родился голубоглазым блондином.

Наденьке очень нравился император, она находила его необыкновенным красавцем, но отчего-то ни он сам, ни его многочисленные подражатели не заставляли ее сердце трепетать. Более того, высокие мужчины с благородной выправкой начали ее раздражать.

А еще в Москве обитало множество умнейших молодых людей. И если они даже не были умны, то старались казаться такими. Умными и независимыми, прогрессивно мыслящими. Притом что внешность императора казалась образцом, москвичи были далеки от придворной жизни и жажды тронных милостей. Их настроение всегда отдавало этаким фрондерством – как по отношению к Петербургу, так и по отношению к местным властям, любимым Петербургом. По Москве летали очень рискованные эпиграммы, большинство которых было посвящено градоначальнику Закревскому – из-за всем известных похождений его супруги, а еще потому, что он был добрым приятелем петербуржца Нессельроде, фигуры в Москве нелюбимой. И каких только пакостей не писали досужие стихоплеты!

Султанша завела гарем.
А муженек-то глух и нем!
У ней в постели антраша,
Но ни гу-гу Чурбан-паша.

Зато он у чужих дверей
Всех караулит, как зверей.
На вечеринках шум и гам
Нам воспрещает наш Чурбан.

За тенью броситься готов,
Кругом он видит лишь врагов,
Чуть что, поднимет страшный крик
Всезапретитель Арсеник!⁷

Даже иностранцы находили, что у москвичей более живой, открытый и веселый нрав, чем у петербуржцев. И все же Наденьке было скучно даже среди этих красавцев, весельчаков и умников. Достойный стать ее любовником никак не находился. Оказалось, что между словами «красавец», «приятный мужчина», «ах, душака!», «он такой умница!» и прочими эпитетами, коими дамы наделяют привлекательных существ противоположного пола, и между желанием отправиться с одним из этих существ в постель лежит огромное, просто-таки неодолимое расстояние!

«Видимо, я постарела, – печально размышляла Наденька. – В прежние времена я бы уже пятерых любовников завела, кабы такая охота припала и такая свобода у меня была. А тут... Ну ни к кому душа не лежит, что же это делается-то?!»

Бедная Наденька вовсе не повзрослела – она просто поумнела.

Ей уже не хотелось хватать широко разинутым ртом доступный порок – ей хотелось чего-то неуловимого, чего-то странного, ароматного, легкого, дурманящего рассудок, внушающего восторг, чего-то, что хотелось бы хранить в тайне и разделить лишь между двумя близкими

---

⁷ Arsenic – латинское название оксида мышьяка. Намек на имя Закревского – Арсений.

сердцами, которые бьются в унисон не только тогда, когда совершают одновременные телодвижения в постели или в вихре вальса.

Ей хотелось, чтобы она всегда неслась в этом вихре с одним-единственным на свете человеком, обретая именно с ним неистовое счастье в постели. Ей хотелось жить только для него, для этого единственного мужчины, ей хотелось отдать ему всю себя – со своим смятанным сердцем и неугомонным нравом, со своим маленьким, наивным, мечтательным умишком и своей взволнованной, пылкой душой – всю себя, так жаждущую любить и быть любимой!

Да, оказывается, теперь она хотела любви – любви, пылкой и страстной любви, а не только торопливых, запыхавшихся, краденых плотских радостей. И вот наконец она поняла, что влюблена, когда однажды на каком-то балу увидела высокого светловолосого молодого человека с надменной посадкой головы, породистым гордым лицом, в котором было что-то восточное, насмешливым взглядом чуть исподлобья и иронической улыбкой.

* * *

Когда взбудораженный Дюма-отец вошел в комнату Лидии Нессельроде, он мигом забыл обо всем: и об опасно-прекрасной Марии Калергис, и о какой-то там неведомой Надин с ее только что родившимся ребенком – при одном взгляде на возлюбленную сына. Ах, как же она была восхитительна в своей безмятежности!

Одетая в пеньюар из вышитого розового муслина, в чулках розового цвета и татарских папушах⁸, она полулежала на кушетке, накрытой бледно-зеленым дамаском⁹, и напоминала полураспустившуюся розу на кусте.

Роскошные черные волосы Лидии ниспадали до колен. У старшего Дюма был наметанный глаз, и он сразу понял по гибким движениям дамы, что ее стан не стянут корсетом. Шею Лидии обвивали три ряда жемчугов. Жемчуга мерцали на запястьях и в волосах. Один только перстень с великолепным, хотя и несколько мрачным изумрудом своей варварской красотой нарушал эту жемчужно-розовую гармонию.

Вообще Дюма слышал, что любовница его сына не знает деньгам счета. Лидия развернулась в Париже на весь размах своей истинно русской натуры. Она оказалась ужасной транжирой. Например, на устройство одного только бала она потратила восемьдесят тысяч франков. Наряды свои она шила только у самой дорогой и модной портнихи Пальмиры. Каждое платье обходилось не меньше чем в полторы тысячи франков, и Лидия не мелочилась: заказывала не один туалет, а минимум дюжину. Вообще она была дама с большим и даже строгим вкусом: если платье было красное, к нему непременно полагались рубины (диадема, ожерелье, браслеты, серьги, кольца – полная парюра¹⁰!), к синему – сапфиры... etc. И так далее.

А тут вдруг все розовое – но при этом изумруд...

Любопытство всегда было главным пороком – или, вернее, достоинством – Дюма, а потому он не замедлил поинтересоваться перстнем.

– О, это подарок моей свекрови, фамильная драгоценность, – небрежно передернула плечами Лидия. – Я должна его беречь... Это как бы знак того, что я блюду свою честь замужней женщины, а значит, всегда могу рассчитывать на помощь семьи моего мужа. Если я сниму перстень, это будет означать, что я расторгаю узы брака! Я стану падшей женщиной, и мне придется пойти по миру!

---

⁸ Папуши – домашние туфли без задников.

⁹ Дамаск – шелковая ткань с восточным рисунком.

¹⁰ Парюра – набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней или по единству художественного решения.

И она так и покатила со смеху, прелестной мимикой призывая Дюма (отца ее любовника!) оценить гомерическую двусмысленность ситуации.

– Знаешь, как я ее называю? – спросил Александр, откровенно любуясь своей восхитительной подругой, которая хохотала так, будто кто-то щекотал ее в самом интимном местечке, и, в отличие от отца, пораженного ее цинизмом, не видя ничего эпатирующего в ее словах.

Дюма чуть не брякнул, как следует называть такую женщину, как эта, но вовремя прикусил язык, подумав, что Мария Калергис подбирает себе совершенно подходящую компанию, и счел за благо изобразить недоумение.

– Не знаю. Как?

– Дама с жемчугами!

Дюма-отец невольно прыснул, но тут же с интересом покосился на графиню. Он-то оценил остроту сына, но оценит ли это его любовница? Не станет ли ревновать к своей предшественнице, знаменитой «Даме с камелиями»?

Впрочем, безмятежная улыбка красавицы успокоила Дюма.

– Да, я ничего не имею против того, чтобы сделаться героиней нового романа или пьесы столь модного литератора, как Александр! – заявила Лидия, и Дюма снова подумал о роли тщеславия в любовной страсти, тут же попытался вспомнить, кто же это сказал, и снова решил приписать себе эту лаконичную и точную фразу. Он был бы огорчен, если бы сообразил, что вычитал это у Бальзака, который и сам не мог припомнить автора этого изречения. Да, впрочем, Бог с ним, с автором, хорошо сказано – это главное!

– Одно меня очень интересует, – сказала Лидия с прелестной озабоченностью, – насколько правдиво автор меня изобразит в новом романе. Я читала «Даму с камелиями», но я не знаю, сколько в ней истинных событий и истинной любви Александра к этой бедняжке, а сколько домысла. Он никогда не рассказывал мне, как это было на самом деле.

– Но я никогда не предполагал, что тебе это интересно! – удивленно сказал Александр.

– Ну так вот – мне это интересно! – заявила Лидия. – Я бы с удовольствием послушала историю о твоей любви к Мари Дюплесси.

И она уселась поудобней – вернее, прилегла поудобней на кушетке, пристроив под бок шелковую подушку с золочеными кистями, но тут же всплеснула руками:

– Ах, я забыла о твоём отце! Наверное, он все это уже знает, ему будет скучно...

Старший Дюма не мог понять – это что, она его таким элегантным образом выставляет? Это намек на то, что ему пора уходить? Нет, ну хоть бы чаем напоили! Вон стоит чайник, а рядом разложены всякие прелестные маленькие сладости, птифурчики, тускло-зеленый, осыпанный сахарной пудрой рахат-лукум, который он обожал, колотый миндаль в меду... День был жаркий, у Дюма порядком пересохло в горле, он бы выпил большой бокал вина, но бутылка что-то не видно, так что ладно, согласен и на чай!

Он не знал, что делать. Обидеться и уйти? Но неохота ссориться с сыном. Сделать вид, будто ничего не произошло? Ах, как хочется пить...

Дюма взглянул на прелестное лицо любовницы сына – и устыдился своих мыслей. Это воплощение наивности, она не соображает, что говорит, не ведает, что творит, как малое дитя, которое царапает вас, не понимая, что вам больно. И она избалована так же, как малое дитя, которое не знает удержу в своих желаниях. Горе тому, кто ей однажды откажет... Интересно, насколько долго Александр сможет приходить в восторг равным образом от ее красоты и дурного воспитания, от ее любовного неистовства (Дюма помнил поцелуй в темной комнате!) и ее полнейшего равнодушия ко всем на свете, кроме себя?

Но время задавать сыну вопросы такого рода еще не настало, а потому знаменитый романист принял образ добродушнейшего папаша.

– Дорогие дети, – задушевно сказал он, подсаживаясь к столику и берясь за огромный фарфоровый чайник. – Нет ничего лучше, чем пить чай, слушая любовную историю. Поверьте,

Лидия, я ровно ничего не знаю об отношениях моего сына с мадемуазель Дюплесси. Я читал роман, как все, и смотрел спектакль – как все. И охотно послушаю эту историю, какой бы длинной она ни была, тем более что здесь столько любимых мною сладостей. Налить вам чашечку? Нет? Ну что ж, Александр, тогда приступай к рассказу.

И он с наслаждением сделал первый глоток.

– Э... Лидия, ты уверена, что хочешь услышать эту историю? – пробормотал Александр. – Во всех подробностях?

– Хочу, хочу! – воскликнула Лидия. – Во всех, во всех! Начинай, наконец!

– Ну, – с запинкой начал Александр, – сердце мое всю жизнь стремилось не к дамам добропорядочным, а именно к светским куртизанкам. Возможно, это происходило потому, что я был рожден моим знаменитым папенькой вне брака...

Дюма чуть не подавился чаем.

– ...от женщины, будем называть вещи своими именами, согрешившей против светских узаконений, – продолжал Александр. – Впрочем, очень многие молодые люди моего круга, да и не только моего, познавали суть отношений между мужчинами и женщинами отнюдь не с невинными барышнями из так называемых хороших семей, а проходили первый искус среди заблудших созданий, которые зарабатывают этим ремеслом себе на жизнь. Поскольку я унаследовал от отца его знаменитую чувственность...

Дюма на сей раз подавился-таки чаем, но почти сразу откашлялся, а Лидия улыбнулась ему с видом заговорщицы, и он снова вспомнил их отнюдь не родственный поцелуй.

– Поскольку я унаследовал его знаменитую чувственность, говорю я, – возвысил голос Александр, которому не слишком понравились эти переглядки, – вскоре я хорошо знал самых знаменитых из упомянутых созданий. Одним они продавали наслаждение задорого, а другим дарили его, но себе тем и этим готовили лишь верное бесчестие, неизбежный позор и маловероятное, летучее богатство. Я жалел их... Хотя над визитами в веселый дом принято в мужском обществе потешаться, и я тоже потешался – но его обитательницы вызывали у меня желание плакать, а не смеяться. И я начал задаваться вопросом, почему вообще в мире возможны подобные вещи.

– Таким образом, – пробурчал Дюма, чтобы хоть слегка отомстить сыну за пассажи в его адрес, – ты свел знакомство с некоей Альфонсиной-Мари Дюплесси в целях более углубленного изучения сего вопроса?

Лидия расхохоталась, запрокинув голову так, что ее прекрасные черные волосы свесились до самого пола.

Александр бросил было на отца гневный взгляд, но при виде искреннего веселья своей возлюбленной воодушевился и продолжал:

– Вы правы, отец, я именно ради этого подружился со знаменитой куртизанкой, у которой, как я вскоре убедился, была душа гризетки¹¹. В числе ее любовников был русский посол в Париже граф Штакельберг, который окружил Мари невиданной, неслыханной роскошью – как изысканно выразился известный вам Арсен Гуссе, заточил ее в крепость из камелий.

При упоминании Арсена Гуссе Лидия радостно закивала, подтверждая, что имя этого писателя, избравшего своим жанром пасторали, ей хорошо известно.

Дюма иронически вскинул брови: несмотря на то что Гуссе пописывал еще и исторические романчики, Дюма не считал его своим соперником, снисходительно считая, что поверхностное образование, полученное Гуссе в юности, наложило отпечаток дилетантизма на его творчество. Дюма очень гордился тем, что, когда он был принят в канцелярию герцога Орле-

---

¹¹ 1 Grisette (фр.) – сорт дешевой ткани, обычно серой (от слова gris – серый), из которой шили себе платья швеи, модистки, приказчицы небольших лавок. Как правило, они не отличались строгостью нравов, поэтому постепенно слово grisette стало обозначать легкомысленную девушку из простонародья, которая тем не менее мечтает о добропорядочной жизни, в отличие от куртизанок, которые сделали любовь своим ремеслом.

анского, у него не оказалось вообще никакого образования (его козырем считался прекрасный почерк), зато спустя всего несколько лет он прочел все книги об истории Франции, хроники, мемуары, лучшие произведения классики и современных авторов, а благодаря великолепной памяти мог легко рассуждать на любую тему.

– Почему именно камелии? – донесся до него голос сына. – Ответ простой: Мари не выносила аромата роз, а камелии – они ведь не пахнут... Сразу хочу сказать – я был у Мари не первым, не вторым, не десятым и даже не двадцатым, однако наш роман получился бурный и пылкий. Я столько узнал о женщинах и о том, как их надо любить... Некоторое время длилась эта страстная история, затем мы расстались. Мой кошелек не выдержал такого натиска! Мари сменила еще многих любовников (среди них был, к слову, знаменитый композитор и пианист Ференц Лист), долго умирала от чахотки и, наконец, стремительно обвенчавшись и столь же стремительно разойдясь с богатейшим графом Эдуаром де Перрего, отдала Богу душу. В память о Мари я посетил аукцион, где распродалось ее имущество (для уплаты долгов покойницы), с умилением вспомнил былое и купил золотую цепочку Мари. Кстати, на том же аукционе побывал и небезызвестный Чарльз Диккенс, который оставил его циничское описание в письме графу д'Орсе. Один из моих приятелей, близкий с графом Альфредом, списал его. Да вот, послушайте...

Оба Дюма, как и положено настоящим литераторам, всегда носили при себе записные книжки, куда записывали все, что приходило в голову, как в свою, так и в чужую. Сын прочел:

«Там собрались все парижские знаменитости. Было много великосветских дам, и все это избранное общество ожидало торгов с любопытством и волнением, исполненным симпатии и трогательного сочувствия к судьбе девки... Говорят, она умерла от разбитого сердца. Что до меня, то я, как грубый англосакс, наделенный малой толикой здравого смысла, склонен думать, что она умерла от скуки и пресыщенности... Глядя на всеобщую печаль и восхищение, можно подумать, что умер национальный герой. А когда Эжен Сю купил молитвенник куртизанки, восторгу публики не было конца. Ее гребень был продан за сумасшедшую цену, ее головная щетка была продана чуть ли не на вес золота. Продавались даже ее поношенные перчатки, настолько была хороша ее рука. Продавались ее поношенные ботинки, и порядочные женщины спорили между собой, кому носить этот башмачок Золушки. Все было продано, даже ее старая шаль, которой было три года, даже ее пестрый попугай, напевавший довольно печальную мелодию, которой научила его госпожа; продали ее портреты, продали ее любовные записочки, продали ее лошадей – все было продано, и ее родственники, которые отворачивались от нее, когда она проезжала в своей карете с гербами на прекрасных английских скакунах, с торжеством завладели всем золотом, которое явилось результатом этой продажи».

– Ну, надо сказать, – промолвил Александр, закрывая записную книжку и убирая ее, – я оказался куда более сентиментален, чем Диккенс, и написал в память Мари Дюплесси стихи.

«Неужели он будет и стихи читать?» – в панике подумал Дюма, который за это время уже успел опустошить вазочки со сладостями, выпил весь чай и начал откровенно скучать, тем паче что ничего интересного Александр не рассказал, никаких пикантных подробностей. А сын уже встал в позу и произнес:

Расстался с вами я, а почему – не знаю.
Ничтожным повод был: казалось мне, любовь
К другому скрыли вы... О суета земная!
Зачем уехал я? Зачем вернулся вновь?

Потом я вам писал о скором возвращенье,
О том, что к вам приду и буду умолять,
Чтоб даровали вы мне милость и прощенье.

Я так надеялся увидеть вас опять!

И вот примчался к вам. Что вижу я, о Боже!
Закрытое окно и запертую дверь.
Сказали люди мне: в могиле черви гложут
Ту, что я так любил, ту, что мертва теперь.

Один лишь человек с поникшей головою
У ложа вашего стоял в последний час.
Друзья к вам не пришли. Я знаю: только двое
В последнем шествии сопровождали вас.

Благословляю их. Они одни посмели
С презреньем отнестись к тому, что скажет свет,
Умершей женщине не на словах – на деле
Отдав последний долг во имя прошлых лет.

Те двое до конца ей верность сохраняли,
Но лорд ее забыл и князь прийти не мог:
Они ее любовь за деньги покупали,
Но не могли купить надгробный ей венок.

Дюма не без ехидства подумал, что после выхода «Дамы с камелиями» чахотка и распутство сделались необычайно модны в обществе, а кашель теперь слышался в театрах и на балах куда чаще, чем прежде. Стихи показались ему унылы. Он снисходительно похлопал в ладоши, прикидывая, как бы ему половчей сбежать, но тут Лидия возмущенно воскликнула:

– Конечно, эти стихи хороши, но те, которые посвящены мне, гораздо лучше! Прочти их, прочти скорей, пусть послушает твой отец!

Первым побуждением Дюма было вскочить и пуститься наутек, однако он непременно обрушил бы низенький столик, а значит, разбил бы фарфоровый чайник и чашки. Ему не хотелось выказать себя перед русской графиней французским медведем, а потому он скорчил гримасу восторга, при виде которой сын, который, на счастье, все же не лишен был чувства юмора, едва не задохнулся от смеха и не сразу смог собрать в кулак эмоции, необходимые для чтения своего очередного творения:

Мы ехали вчера в карете и сжимали
В объятьях пламенных друг друга:
словно мгла
Нас разлучить могла. Печальны были дали,
Но вечная весна, весна любви цвела.

Дюма вдруг почувствовал неодолимое желание зевнуть. Он в очередной раз упрекнул себя за свой непомерный аппетит и любовь к сладкому. Ну почему, почему он проглотил уже весь чай и слопал все сладкое? Сейчас было бы чем себя занять. Попросить разве еще? Но он наживет себе смертельного врага в лице сына, ибо нет вернее средства оскорбить поэта, чем прервать чтение его стихов какой-нибудь бытовой пошлостью. А ссориться с сыном знаменитый романист совершенно не хотел, поэтому он оперся о колени локтями, подпер руками голову и покрепче прижал ладонями челюсти, чтобы они не отваливались в неприличном зевке, и притворился преисполненным внимания.

Раскроются цветы – и в сад приду я снова,
Я в летний сад приду взглянуть на пьедестал:
Начертано на нем магическое слово —
То имя нежное, чьим пленником я стал.

Скиталица моя, где будете тогда вы?
Покинете меня? Вновь разлучимся мы?
О, неужели вы хотите для забавы
Средь лета погрузить меня в кошмар зимы?

Зима – не только снег, не только мрак и стужа,
Зима – когда в душе свет радости погас,
И в сердце песен нет, и мысль беспечно кружит,
Зима – когда со мной не будет рядом вас!

Наступило молчание, потом Лидия захлопала в ладоши, и Дюма подхватил аплодисменты, необычайно обрадованный тем, что стихи закончились так быстро. Впрочем, поскольку Александр, по мнению отца, не дружил с известным правилом о родстве краткости и таланта, наверное, стихи были на самом деле куда длиннее, просто-напросто Дюма половину проспал.

– Это прекрасно, верно? – со сладостным вздохом спросила Лидия, и Дюма усиленно закивал.

– Куда лучше, чем первые стихи, – продолжала Лидия, – и я не сомневаюсь, что роман о нашем романе будет куда лучше, чем «Дама с камелиями». Мы с Александром будем читать его нашим внукам и умиляться их восторгам, верно?

Александр бросился целовать свою подругу и так пылко привлек ее к груди, что пеньюар ее распахнулся до самых бедер. Глубокомысленно разглядывая атласную подвязку, которая придерживала розовый чулок над совершенным по форме коленом, Дюма подумал, что, судя по этой сцене, «роман о романе» вряд ли можно будет отнести к разряду тех книг, которые рекомендуются для детского чтения. Наверняка он окажется куда более эротичным, чем «Дама с камелиями», и благодаря ему сын еще больше прославится.

Александр и его возлюбленная продолжали целоваться, и старший Дюма, не слишком-то крадучись, спокойно их покинул.

В доме царила тишина, Антуана на месте не было, Дюма вышел на улицу и нахлобучил шляпу, которую доселе держал под мышкой. У него была такая привычка – во-первых, он терпеть не мог цилиндров (надевал их только на театральные премьеры), а предпочитал мягкую калабрийскую шляпу, которую никогда не отдавал привратникам, а всегда носил с собой. Он тихо надеялся, что когда-нибудь эта его черта будет отображена мемуаристами – так же, как его привычка носить с собой затрепанную записную книжку, испещренную многочисленными заметками, которые он заносил туда в любую минуту, когда удачная мысль приходила в его голову. Вот и сейчас – он достал карандаш, острие которого было прикрыто золоченым колпачком (Дюма терпеть не мог писать тупыми карандашами!), и, благодарный за чай и сладости, начертал в книжке с поистине отеческой снисходительностью:

«Я покинул этих прелестных и беспечных детей в два часа ночи, моля бога влюбленных позаботиться о них».

К сожалению, в очень скором времени Дюма-отцу станет известно, что бог влюбленных довольно плохо заботился об этих «детях», вернее, вообще ими пренебрег... Но Александр, к счастью, так никогда и не узнает, что ни один мемуарист даже не упомянет о его привычке

предпочитать цилиндру мягкую калабрийскую шляпу и держать ее под мышкой, а также о его ненависти к тупым карандашам.

Надежды Лидии тоже не оправдаются, ибо роман «Дама с жемчугами» окажется ужасной скукотишей, о которой критика будет стыдливо помалкивать, и даже на шаг не приблизится к триумфу «Дамы с камелиями». Кроме того, в нем практически все будет страшно далеко от реальности, описывать которую автору будет слишком больно, а избытком фантазии сын, в отличие от отца, не страдал, поэтому роман и получится невероятно скучным, что немало уязвит его амбициозного творца.

Впрочем, к этому времени Лидия уже забудет и самого Дюма-младшего, и все его творческие амбиции.

* * *

– Кто это? – спросила Наденька, едва не задохнувшись, такое вдруг волнение на нее нахлынуло.

Наташа Тушина, отчасти – в ма-а-а-лой степени! – заменившая Лидусю после того, как Наденькина подруга исчезла в далеких французских далях, проследила за ее загоревшимся взглядом и усмехнулась:

– Да ведь это Александр Сухово-Кобылин. Он очень умный. В университет почти ребенком поступил – пятнадцати лет. А помнишь эпиграмму на Арсения Андреевича Закревского? Ну, Чурбан-паша, всезапретитель Арсеник... Это он сочинил.

Наденька похлопала ресницами. Ей было совершенно все равно, что он немного похож на государя императора и вдобавок несусветный умник. Ей было совершенно все равно, что сочинил или не сочинил этот человек. Наденька глаз не могла от него оторвать, и сердце ее так колотилось, что она поняла: нашла!

Наташа мигом сообразила, отчего так загорелись глаза подруги, и сочла нужным предупредить:

– Имей в виду, у него есть *мадам*. Настоящая француженка.

– Жена? – нахмурилась Наденька.

– Да нет, он не женат. Эта особа – его содержанка, но они уже лет восемь вместе живут. Говорят, она даже с его семейством знакома и принята в его доме. По мне, это очень странно, они ведь такие снобы, Сухово-Кобылины! Мой старший брат Владимир дружен с Надеждиным – ну, ты его должна знать – Николай Иванович Надеждин, в нашем университете преподавал, теперь в Петербурге живет и занимается этнографией в Русском Географическом обществе. Так вот – с десяток лет назад он был домашним преподавателем в доме Сухово-Кобылиных и влюбился в Елизавету...

– А кто такая Елизавета? – рассеянно перебила Наденька, все мысли которой были заняты Александром Васильевичем Сухово-Кобылиным и его содержанкой-француженкой, а не каким-то вовсе не интересным ей Надеждиным и совершенно неведомой Елизаветой.

– Господи Боже! – воскликнула Наденька. – Ты на каком свете живешь?! Разве ты не знаешь Евгению Тур? Неужто в «Современнике» не читала ее романа «Племянница»? Это же прелесть что такое!

– Ради бога, Наташа! – простонала Наденька. – Чья она племянница, эта Евгения Тур? И причем здесь какая-то Елизавета? А главное, причем тут господин Сухово-Кобылин?!

Наташа снисходительно посмотрела на подругу.

– Ты совсем отстала от культурной и просвещенной жизни, – вынесла она суровый приговор. – Так нельзя. Конечно, у тебя семья, но ты не должна забывать, что женщина интересуется мужчину не только своим приданым и красотой, но и умом.

В другое время Наденька не преминула бы внутренне усмехнуться: Наташа была дурнушкой, и, кабы не ее баснословное приданое, замуж за полковника Тушина ей бы вовек не выйти, а поскольку Тушин почти постоянно находился в полку, умом жены он интересовался крайне редко. Но сейчас и Надежде не было дела ни до чего, кроме Сухово-Кобылина!

На счастье, Наташа сжалась над ней и наконец-то объяснила все толком:

– Елизавета – графиня Салиас-де-Турнемир, урожденная Сухово-Кобылина, сестра Александра Васильевича. Когда она была еще девицею, в их доме служил Николай Иванович Надеждин – преподавал русскую словесность и немецкий язык. Они друг в друга влюбились. Однако все Сухово-Кобылины буквально на дыбы встали, даром что Надеждин уже в то время служил профессором университета. Конечно, он не благородного происхождения, поэтому Сухово-Кобылины решили: «Мезальянса не допустим! Это позор!» Тогда Надеждин и Елизавета собрались бежать и венчаться тайно, но Елизавета в последний миг оробела; вдобавок, как говорили, родные ее стерегли с каким-то зверским остервенением, не больно-то убежишь, а Александр Васильевич вызвал Надеждина на дуэль. Но тот отказался: мол, если мое недворянское происхождение не дает мне возможности жениться на Елизавете, то, значит, я не могу и дворянским способом защищать свою честь. Александр Васильевич был очень зол, ну очень! Я помню, Володя пересказывал его слова: «Если бы у меня дочь вздумала выйти за неравного себе человека, я бы убил ее или заставил умереть взаперти!» Да ты меня слушаешь или нет?!

– Да, конечно, – рассеянно ответила Наденька, глаза которой так и летали по залу, словно это были две зеленокрылые бабочки, которые среди множества цветов отыскивают один, самый прекрасный и благоуханный. Но вот наконец «бабочки» отыскали отошедшего в сторону Сухово-Кобылина, и лицо Наденьки обрело такое восторженное выражение, что Наташа мигом поняла две вещи: во-первых, что подруга ничего ровно не слышала из ее слов, а главное, что она по уши влюблена в красавца Александра Васильевича.

По прежним временам Наташа помнила, как Наденька с одного взгляда способна завлечь любого мужчину. Стоило ей на кого-то посмотреть, как человек терял всякое соображение и думал лишь об одном: снова завладеть ее вниманием! И Наташа не сомневалась, что вот сейчас Наденька встанет так, чтобы ее было сразу видно, бросит свой знаменитый взгляд, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.